

О проекте тематического словаря польских периферийных говоров

Начиная с 90-х гг. XX в. центр изучения периферийных польских говоров из распавшегося СССР переместился в Польшу, поскольку польским диалектологам стали доступны экспедиции в польские села Литвы, Латвии, Белоруссии и Украины. Интенсифицировались инициированные В. М. Чекманом и Э. Адамовичюте, а также приглашаемыми из Польши преподавателями польского языка (например, Х. Карась) исследования в самой Литве (в Виленском государственном университете и Виленском педагогическом университете). Результаты этих изысканий представлены в тематических периодических изданиях (таких, например, как «*Studia nad polszczyzną kresową*», «*Język polski dawnych Kresów Wschodnich*»), а также в публикуемых словарях (например, (Rieger, Masojć, Rutkowska 2006; Rieger 2014; Cechosz-Felczyk 2004; Krawczyk 2007 и др.). «Взрыв» интереса к Кресам был стимулирован также появлением двух фундаментальных трудов З. Курц, которая работала в основном с письменными и печатными источниками, посвященных особенностям юго-восточной (Kurkowa 1985) и северо-восточной (Kurkowa 1993) разновидностей «польщизны кресовой». Издаются тексты (например, в I части монографии (Rieger, Cechosz-Felczyk, Dziegiel 2002) и описания говоров отдельных пунктов на территории Кресов (например, на материале польских говоров на территории Украины выполнены исследования двух учениц Я. Ригера: (Cechosz 2001) и (Dziegiel 2001)). В изданиях «*Studia nad polszczyzną kresową*» и «*Język polski dawnych Kresów Wschodnich*» переиздаются старые словарики кресовых регионализмов, появляются новые. Так, для автора данной статьи, продолжительное время исследовавшего польский говор дер. Гайде Игналинского района в Литве, особый интерес составил словарик польского языка окрестностей Гайд (польск. *Gajdy* — мн. число), Дрисвят и Видз в языке уроженца этих мест Витольда Минкштима и его жены Эльжбеты Минкштым в четвертом томе издания «*Język polski dawnych Kresów Wschodnich*» (Minkszтым 2010).

Накопленный материал по языку Кресов нуждается в своего рода обобщениях, которыми могут быть, как мы уже неоднократно отмечали, контрастная грамматика двух территориальных разновидностей «польщизны кресовой», атлас кресовых говоров и словарь, в который вошел бы материал как северо-восточной разновидности кресового диалекта, так и его юго-восточ-

ного подтипа. В данной статье мы остановимся на описании возможного лексикографического труда.

Какие принципы должны лечь в основу построения подобного словаря, каков его лексикографический «портрет»? Выделим 7 постулатов, из которых, на наш взгляд, следует исходить составителю такого лексикона:

1. Включение материала *обеих разновидностей* кресового диалекта. Ср. дифференцирующиеся в этих разновидностях примеры лексем из разных тематических групп: 'горб' — сев.-вост. *kupra* (прилагат. *kupraty*) ~ ю.-вост. *harb* (прилагат. *harbaty*), 'щека' — сев.-вост. *policzka* ~ ю.-вост. *szczoka*, 'зрачок' — сев.-вост. *lalka, panienka* ~ ю.-вост. *człowieczek* (лексико-грамматическая группа «Названия частей тела»); в теме «Еда»: 'студень' — сев.-вост. *kwaszenina, kwaszelina* ~ ю.-вост. *drahli*; в теме «Животный мир» (подполе 'насекомые'): 'божья коровка' — сев.-вост. *pietruk, pietruczók* ~ ю.-вост. *zezulka*; в названиях родственников: 'муж' — сев.-вост. *męż/mąż* ~ ю.-вост. *człek*.

2. Данный словарь, как и все словари, созданные на материале «кресового» диалекта, будет словарем *дифференциального типа*. Лексемы, совпадающие со словами литературного польского языка (далее ЛПЯ), приводятся только в том случае, если в одной из разновидностей в качестве соответствия специфической диалектной лексеме другой территориальной разновидности функционирует лексема, идентичная лексеме ЛПЯ. Например, из лексико-тематической группы «Растительный мир» ю.-вост. *barabola, brzeza, huby, jangrys* соответствуют сев.-вост. эквиваленты *ziemniaki* (наряду с диалектными *kartoplal/kartofla*), *brzoza, grzyby, agrest*, идентичные словам ЛПЯ. Или в тематической группе «Животный мир» ю.-вост. *bociunk* соответствует совпадающий с лексемой ЛПЯ сев.-вост. *bocian*. В тематической группе «Названия родственников» ю.-вост. *doczka* соответствует совпадающее с лексемой ЛПЯ слово *córka*, а сев.-вост. *jatrówka* (отмечается наряду с аналогом ЛПЯ *bratowa*) противостоит юго-восточный эквивалент ЛПЯ (*bratowa*). В поле «Номинации частей тела» сев.-вост. *kosa* соответствует ю.-вост. *śledziona* (эквивалент лексемы ЛПЯ). В теме «Еда» северо-восточным аналогом литературных словосочетаний *jeść (mieć) obiad, kolację* и т. д. соответствуют диалектные ю.-вост. *połudnać, wiczerzeć* и т. д.

Возможно и другое решение. Чтобы не нарушать строго дифференциальный принцип словаря, ввести особый знак (например, ×), который указывает на функционирование в той или иной территориальной разновидности периферийного польского диалекта лексемы, совпадающей с эквивалентом ЛПЯ, которому, в свою очередь, в другой разновидности соответствует специфическая диалектная лексема. Подобный знак приводится и в случае функцио-

нирования в говоре для номинации одной и той же реалии наряду с собственно диалектной лексемой слова, совпадающего по значению и по форме с эквивалентом ЛПЯ. Такое явление отмечается вследствие высокой степени вариативности, характерной для кресовых польских говоров. На этом обстоятельстве мы еще остановимся подробнее.

Может создаться впечатление, что список дифференцирующихся в северо-восточной и юго-восточной разновидностях лексем будет различаться только результатами разного иноязычного воздействия на эти диалекты (балтизмы и белорусизмы в северо-восточной разновидности и украинизмы в юго-восточной). Но это не совсем так. Действительно, значительное число различий имеет подобную природу. Но в некоторых, например, юго-восточных говорах обнаруживаются диалектные лексемы, характерные для определенных районов этнографической Польши. Так, в польском говоре дд. Шаровечка и Матьковцы (окрестности г. Хмельницкий, Украина) отмечены лексемы, характерные для малопольского ареала: *prześcieradło* 'зеркало', соотносящееся с малопольск. *przeźradko* 'то же', *syndzylina* 'оттепель', которому соответствуют малопольск. *osędzielizna* 'то же', полидиалектные формы *mgły*, *mgłośny* (литер. *mdły* 'тошнотворный, тошнотный'). По всей видимости, в формировании по крайней мере части юго-восточных кресовых говоров участвовал малопольский элемент, в то время как для северо-восточного польского периферийного диалекта некоторые исследователи обнаруживают параллели в мазовецких говорах.

3. Несмотря на то, что словарь дифференциального типа в отличие от полного, включающего в себя и аналоги лексемам ЛПЯ, не дает представления о лексической системе диалекта в целом, считаем возможным и в словаре такого типа подавать лексему по *тематическому* (ономазиологическому, или *тематико-идеографическому*) принципу. Основой для предварительного выделения тем является «Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego», zeszyty I–IV (Wrocław, 1958) под редакцией В. Дорошевского, в котором предложены вопросы по 27-ми темам. Внутри тем выделяются *поля* и *субполя*, хотя в словаре дифференциального типа они не будут полными (отсутствуют компоненты, совпадающие с лексемами ЛПЯ). Место дескрипции значения, которая должна бы быть представленной в словаре идеографического типа, занимает соответствие русского языка, с которого и начинается трехчастная словарная статья: русское слово, северо-восточный эквивалент, юго-восточный эквивалент. Трудность при составлении такого словаря составляет в условиях взаимопересекаемости лексических полей отнесение лексемы к определенному полю. В ряде случаев возможно указание одной и той же

лексем в качестве компонента разных (но связанных друг с другом) полей. Отдельные слова в том или ином поле приводятся в алфавитном порядке для русского соответствия, выполняющего функцию семантемы. Польские слова в алфавитном порядке даются в индексе (после словаря). Тематико-идеографический принцип позволяет установить, в каких тематических группах, полях и субполях представлено значительное число специфически диалектной лексики, а в каких — в меньшей степени, выявить, какая из двух территориальных разновидностей «польщизны кресовой» ближе к ЛПЯ (т. е. где знаков X, обозначающих лексемы ЛПЯ, больше).

Вторая трудность при таком подходе связана с вышеуказанной высокой степенью вариантности диалектной лексики. Например, для зоологического объекта 'летучая мышь' (тематическая группа «Животный мир») в северо-восточной разновидности представлены лексемы *skurlát, kožán*, дескрипции *latucza mysz* и *latająca mysz*. Следует привести все варианты под русским соответствием 'летучая мышь', каждое в отдельной строке с отсылкой для каждой лексемы к соответствующим синонимам. Приведение синонимов одновременно является реализацией принципа учета *парадигматических* отношений диалектного слова.

4. Необходимо также учесть *синтагматических* связей диалектного слова. Поэтому после диалектной лексемы с ее грамматическими квалификаторами (см. пункт 5) приводится по возможности широкий контекст, демонстрирующий ее функционирование в диалектной речи и позволяющий выявить ее синтаксическую и лексическую сочетаемость.

5. В соответствии с принципом *грамматической параметризации* в лексикографическом труде, о котором писал в свое время Ю. Н. Караулов, приводятся грамматические квалификаторы слова. Это не только указание на род существительного или вид глагола, но и определение declinacionного или конъюгационного типа лексем. С этой целью в вводной части словаря приводится краткий очерк морфологии двух основных типов «польщизны кресовой», включающий в себя типы парадигм изменяемых частей речи. Эти типы парадигм получают соответствующие числовые обозначения, вносимые в словарную статью после квалификатора частеречной принадлежности.

В ряде случаев приходится реконструировать словарную форму на основе приведенных парадигм. Так, в говоре дд. Шаровечка и Матьковцы информанты для глагола горизонтального размещения в пространстве ('ложиться') давали только инфинитив *ligać* (с соответствующим спряжением: 1 л. ед. ч. наст. вр. *l'igom*, 2 л. ед. ч. наст. вр. *l'igaś*, 3 л. ед. ч. наст. вр. *l'iga*, 1 л. мн. ч. наст. вр. *my l'igoma*, *fs'e l'igoma*, 2 л. ед. ч. императива *l'igaj*

и т. д.) и одновременно приводили формы совершенного вида без указания инфинитива (1 л. ед. ч. наст.-буд. вр. *l'ogne*, 2 л. ед. ч. императива *l'ogn'ij*, 3 л. ед. ч. м. р. прош. вр. *l'ognoł*, 3 л. ед. ч. ж. р. прош. вр. *l'ogneta*, а также *l'ik* и *l'egła*). Реконструируемые формы инфинитива совершенного вида могут быть *l'ognić* и *l'ic*.

Таким образом, в словаре находит в какой-то степени реализацию и такая задача в изучении «польщизны кресовой», как создание контрастивной грамматики двух ареальных типов периферийных польских говоров. Фрагмент такой грамматики на примере описания парадигм настоящего времени глагола был нами представлен в докладе на XII Международном съезде славистов в Кракове в 1998 г. (Ананьева 1998).

Трудность в составлении диалектных парадигм также обусловлена высоким числом вариантных форм в обеих территориальных разновидностях кресового диалекта, особенно северо-восточного, в котором выделяется также значительное количество парадигм со смешанным типом склонения.

6. Необходимо введение *фона-комментария* к словарным статьям. Эти комментарии в силу уже упомянутого большого числа материалов по территориальным польским говорам будут довольно объемными. Вероятно, здесь надо провести селекцию и выбрать наиболее репрезентативные работы. При этом вначале следуют ссылки на диалектный материал по периферийным крестьянским говорам, затем на соответствующие лексемы в произведениях писателей, связанных с Кресами (например, для северо-восточного подтипа от А. Мицкевича и круга филоматов-филаретов, Л. Кондратовича (Сырокомли), И. Ходзьки до М. Ваньковича, Ч. Милоша, Т. Конвицкого и др., а для юго-восточной разновидности — из произведений Ю Словацкого, С. Гошинского, мемуаров «кресовцев» и др.), и наконец, аналоги в восточнославянских источниках. Так, систематически привлекаются данные пятитомного «Словаря белорусских говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья» (Слоўнік 1979–1986), поскольку в этих говорах, соседствующих с говорами, репрезентирующими северо-восточный поддиалект «польщизны кресовой», подчас представлены лексемы, идентичные функционирующим в польском диалектном идиоме. Например, в лексико-семантической группе «Еда» в указанных белорусских говорах фиксируются известные северо-восточным периферийным говорам лексемы *раугеня* «солодуха», *рагойша* «белый хлеб», *кіндзук* // *кіндзюх* «свиной желудок, нафаршированный мясом», *дэшыры* // *дзяшар* // *дзяшары* // *дэшыры* 'вид колбасы', *квашаніна* // *квашэліна* «студень». Из поля «Названия растений» — *дурнапян*, *смілга*, *кімсá* «кочка на болоте», *ройст* «заросшее болото, кусты на болоте». В «Названиях частей тела»:

кульша «бедро», кумпяк // кунпяк, кунбяк «бедро», кіпцюры // кіпцюрэ «когти, ногти». Пример из названий явлений природы: рдза 'молния без грома'. Многие из лексем, совпадающих в белорусских северо-западных говорах и северо-восточной разновидности «польщизны кресовой», относятся к балтизмам (раугеня, рагойша, ройсты, кімса́, кульша, кумпяк и др.). Аналог сев.-вост. польск. *adryna* и сев.-зап. белор. *адры́на* // *адры́ня* находим в «Повести временных лет» в рассказе о том, как княгиня Ольга отомстила за гибель своего мужа древлянам (*адрина* «сарай»). Лексема *балагула* «еврейский извозчик» является примером юго-восточного кресовизма, известного русским писателям, связанным с Кресами. Его упоминает В. Г. Короленко в I части «Истории моего современника», К. Г. Паустовский в «Повести о жизни», поэт Н. Коржавин, описывая утраченный после Второй мировой войны «мир еврейских местечек» («И, хлеща по коням, / уж не спеть никогда / балагуле»).

7. В словарной статье лексемы приводятся в *орфографической* записи, а в цитатах — в *фонетической*.

В качестве приложения следует привести пословицы и поговорки, сравнения и фразеологизмы, зафиксированные в периферийных польских говорах. Например, в Шаровечке и Матьковцах зафиксированы такие устойчивые словосочетания, поговорки и фразеологизмы, как *čarny jak hod'a, babus'a z B'elorus'i, jenzuk — co brešy jak ɣalstuk, l'ežema jak rat'i* (т. е. *rakі*, фонетическая особенность данного говора — переход *k'g'* в *t'd'*), *kut'u — kut'u — kut'u ruda, n'ex s'e l'a nas žyta uda, tłumak pelny* (т. е. полный дурак). Желателен также словарь антропонимов и кличек животных, в которых также могут быть заимствованные корни (ср. кличка коровы *Margita* в северо-восточном подтипе периферийных польских говоров, соотносящаяся с литовск. *margas* «пестрый»).

Представляется, что составление идеографического дифференциального словаря, включающего данные двух территориальных разновидностей периферийного польского диалекта, — одна из перспектив в развитии «кресологии». Реализация этой задачи требует, однако, большого труда и обобщения значительного фактического материала.

Литература

- Ананьева 1998 — Ананьева Н. Е. Некоторые итоги и перспективы изучения польского периферийного диалекта. Конфронтативная грамматика двух его разновидностей. Словарь. Атлас // Научные доклады филологического факультета МГУ. Выпуск 3. К XII Международному съезду славистов в Кракове 27 августа – 3 сентября 1998 года. М., 1998. С. 3–22.

- Слоўнік 1974–1986 — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. У пяці тамах. Мінск, 1979–1986.
- Cechosz 2001 — *Cechosz I.* Polska gwara Oleszkowiec na Podolu. Fleksja imienna i werbalna. Kraków, 2001.
- Cechosz-Felczyk 2004 — *Cechosz-Felczyk I.* Słownictwo gwary Oleszkowiec i Hreczan (Greczan) na Podolu. Kraków, 2004.
- Dzięgiel 2001 — *Dzięgiel E.* Polska gwara wsi Zielonej na Podolu na tle innych gwar południowo-wokresowych. Fleksja imienna i werbalna. Kraków, 2001.
- Krawczyk 2007 — *Krawczyk A.* Zapożyczenia leksykalne w sytuacji wielojęzyczności. Ukrainizmy i rusycyzmy w gwarze Maćkowiec na Podolu. Warszawa, 2007.
- Kurzowa 1985 — *Kurzowa Z.* Poszczyzna Lwowa i kresów południowo-wschodnich do 1939 r. Warszawa; Kraków, 1985.
- Kurzowa 1993 — *Kurzowa Z.* Język polski Wileńszczyzny i Kresów północno-wschodnich XVI–XX w. Warszawa–Kraków, 1993.
- Minksztyl 2010 — *Minksztyl W., Minksztyl E.* Słowniczek wyrazów gwarowych, używanych w okolicach Dryświat, Gajd i Widz // *Język polski dawnych Kresów Wschodnich.* Warszawa, 2010. T. 4. S. 225–293.
- Rieger, Cechosz-Felczyk, Dzięgiel 2002 — *Rieger J., Cechosz-Felczyk I., Dzięgiel E.* Język polski na Ukrainie w końcu XX wieku. Cz. 1. Warszawa, 2002.
- Rieger, Masojć, Rutkowska 2006 — *Rieger J., Masojć I., Rutkowska K.* Słownictwo polszczyzny gwarowej na Litwie. Warszawa, 2006.
- Rieger 2014 — *Rieger J.* Słownictwo polszczyzny gwarowej na Braślowszczyźnie. Warszawa, 2014.

Summary

Natalya Ananyeva

On the project of the onomasiological dictionary of the peripheral Polish dialects

The article presents seven principles of compiling a dictionary of two types of the Polish peripheral dialects: the south east dialect and the north east one. For instance: a dictionary of such type must be onomasiological; such dictionary cannot contain words which function both in the dialect and in the literary Polish language; words must demonstrate their paradigmatic and syntagmatic relations.